

"Ничего страшного (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Часть 1.

Панацея

<http://ficbook.net/readfic/2041917>

Фэндом: Волчонок

Персонажи: Дерек Хейл/Стайлз Стилиински

Рейтинг: NC-17

Жанры: Слэш (яой), Ангст, PWP, Hurt/comfort

Предупреждения: Нецензурная лексика

Описание:

Состояние набирающих номер пальцев, героинового прихода, нетерпеливого выдоха:

- Хэй. Ты мне нужен, волче.

Обсессивный синдром.

Состояние непроизвольного влечения, хер его раздери. Состояние пузырящихся мыслей. Состояние мокрых образов, которые разрываются в голове жалящими салютами.

Состояние набирающих номер пальцев, героинового прихода, нетерпеливого выдоха:

- Хэй. Ты мне нужен, волче.

Это становится необходимостью каждый раз, когда срывается с языка.

Каждый раз тишина, живущая в трубке несколько секунд после вьедливых гудков, нарушается напевающим сердцем. Монотонный фа минор.

Пам-пам-парам. Пам-парам. Парам. Парам.

Похоронный марш - сегодня снова скончался здравый смысл.

Он давно разложился, оставив после себя только вязкую иллюзорную массу - её хватает разве что на пару суток. А потом - снова. Пузыри. Кипяток. Раскалённое масло. Никакого здравого смысла. Снова "Хей, ты мне нужен". Снова "Увидимся у тебя". Снова долбёжка в задницу такая, что сетчатку разрывает от херачащих из глаз искр.

Обсессивный синдром.

- Что, Стайлз?

Он знает. Он каждый раз видит смысл притворяться.

Это его стратегия, не дающая поверить, принять, осознать за ненужностью. Фальшивой ненужностью. Чтобы в тот же момент не сорваться. Не позабыть о своей "даме-волчьего-сердца", которая как раз сейчас принимает душ на втором этаже лофта. Не позабыть о Малии, которая недавно на своём Пикапе укатила в Лос-Анджелес по поручению Дитона. Это неважно.

Нет никакой Малии, когда появляется "нужно". "Необходимо". "Жизненно важно".

- Мне нужно приехать к тебе сегодня, и чтобы об этом не узнала ни одна живая душонка, иначе пиздец, Дерек, сам же знаешь. Чтобы никто, даже Скотт. Даже Питер. Тем более - Питер. Справишься? Я раньше закончил с экономикой, так что вечер свободен.

Тишина.

Переворот. Ещё один.

Сердце давно не пережёвывает кровь - оно нервно кувыркается между лёгких, задушенное тугой артерией. И пока Дерек молчит, Стайлз чувствует каждый кувырок.

Один. Два. Три.

- Сегодня - нет.

Четыре. Стоп. Тишина в груди громче бесшумного дыхания в динамике.

- Дерек. Мне нужно, - цедит он. Так цедят наркоманы, когда им отказывают в дозе.

Ты моя грёбаная дурь.

- Стайлз.

- Это не просто “хочу мороженого”, чувак. Это “если я не получу мороженого, я пойду и вырежу весь квартал кухонным ножом, выпью их кровь и к хуям повешусь на люстре в детской у сына мистера Роуда”. Ты понимаешь?

- Я не мороженое. У меня Джейн.

- Иди ты на хуй, ты мне нужен!

Сорваться. Заорать. Люди - глупые эмоциональные создания. Они подвластны глупым эмоциональным порывам. Жар. Пузыри. Кто-то добавил огня неосторожной рукой.

А у Стайлза печь в глотке. Она жрёт каждую каплю крови, жарит каждое слово, переламинает его. Стайлз сжимает в руке едва начатый флакон таблеток. Ему нужно. Просто нужно. Сейчас нужно. Это атака скручивающей необходимости, и пилюли против неё ещё не выдумали.

Тишина в трубке. Шипение пузырей в сознании. Жар по жилам. Жар. Жар. Стайлз загорится прямо сейчас. Это приход, это приступ, это хуже панической атаки.

Обсессивный синдром.

Дыхание почти дымит.

- Я занят. Счастливо, Стайлз.

- Дерек.

- Позвони Малии. Потрахайтесь. Отъебись от меня.

Стайлз вызывает раздражение.

Он чувствует.

Он - раздражитель. Он - пылающая кожа. Он - закрытые глаза. Он - мокрые мысли, в которых тело Дерекса встраивает его в ветхую стену хейловского дома прямо сейчас. Он - вязкие воспоминания, в которых пальцы Дерекса растягивают его, опрокинутого на кухонную стойку в лофте.

Ту стойку, за которой Джейн каждое утро готовит омлет.

Стайлз открывает флакон и высыпает таблетки на влажную ладонь.

Пока Дерек молчит, таблетки горчат на языке. Одна. Две. Три.

Пузыри. Кипяток. Горячая тяжесть в паху.

Иллюзорная видимость здравого смысла не возвращается. Её нет. У Стайлза взмокает лоб, у него взмокает каждая мышца, когда он слышит медленный выдох:

- Я кладу трубку.

- Ты мне нужен, - говорит он в очередной раз. Уже тише.

Ему тяжело дышать - у него ни одного сантиметра живой трахеи. Только пепел и жар.

- Хорошего вечера.

И Хейл отключается.

Отключается.

У Дерека своя философия. Стайлз прокликает её каждый раз.

- Срать я хотел на то, что ты занят, Дерек, мать твою, нахрен! - орёт он мёртвому динамику и херачит кулаком по подлокотнику компьютерного кресла.

Затем в странном порыве подносит телефон ко рту и громко рычит что-то вроде "передавай привет Джейн", после чего швыряет мобильный на постель, откидываясь на спинку и зарываясь руками в волосы.

Холодные пальцы, горячие ладони.

Необходимость убивает.

Вышвырнуть себя из кресла, перевернуть его и зарычать так, словно это он - чокнутый волк с поехавшей крышей. Что он заразился этой хуйнёй воздушно-капельным путём, не понадобился никакой укус. Он просто вдыхает в себя Дерека и становится животным.

Он вдыхает его, даже когда Дерека рядом нет.

Кресло переворачивается и едет на боку, ударяясь о стену, а через мгновение дверь ванны бьёт железной задвижкой о замок с такой силой, что тут же открывается снова. Отражение из

круглого зеркала без рамки смотрит на Стайлза сухими воспалёнными глазами.

Перебарывая желание сдохнуть в попытках выхаркать из себя эту одержимость, которая внезапно вспыхивает в сознании время от времени.

Вот ты сидишь в своей комнате и делаешь экономику, а через секунду задыхаешься и судорожно шаришь ладонями по столу или карманам в поисках телефона, потому что Дерек уже яростно ебёт тебя в твоём сознании, а ты видишь, осознаёшь, почти *чувствуешь*.

Вот ты целуешь Малию, вдыхая в себя её запах, отдающий лимонной цедрой, а в следующий момент впиваешься в её волосы пальцами, оттаскивая голову, въедаешь в тонкую шею губами, оставляя яркие пятна, потому что именно так делал Дерек в ваш последний раз, днём ранее, и ты едва не кончал от этого срыва мозга.

"Уёбывай из меня!" - хочешь орать ты, потому что это мешает, *мешает*. Мешает получать удовлетворение от того, что даёт твоя девушка, мешает чувствовать себя расслабленно, боясь вызвать подозрение у друзей, которые могут перехватить твой взгляд, брошенный на него.

Уёбывай из меня! - орёшь в свои мокрые ладони, умывая лицо.

Уёбывай из моей головы.

А он остаётся. Каждый раз остаётся.

Когда телефон, брошенный в комнате, разрывается звонком, сердце подскакивает и бьёт по корню языка. Он почти не хочет мчать обратно, приваливать мягкий матрас животом и искать мобильный, который завалился между одеялом и подушкой. Маленькая пластмассовая сука.

Наконец-то удаётся ухватить его пальцами и поднести к лицу.

Малия.

Блядь, - произносит внутренний голос.

- Да, детка, - произносят губы.

- Стайлз! Я только что заселилась в отель! - в голосе столько неприкрытого восторга, что хочется отстранить трубку от уха.

Стайлз что-то мычит в ответ, закрывая глаза и утыкаясь лицом в запястье. Люди очень странные существа - им свойственна надежда. И иногда кажется, что надежда - это

единственное, что остаётся, что стабильно. Людям необходима стабильность.

Поэтому, пока внутреннее ухо всё ещё режет от резковатого голоса Малии, тело почти не вздрагивает, когда по спине Стайлза проезжается твёрдая ладонь.

Он ждал. Он ждёт этого всегда.

Он окаменеваает и моментально глохнет - весь мир словно выключается. Ему кажется, что от неопределённости - то ли остановиться, то ли разорваться ударами, - сердце сейчас просто выкатится из пасти, когда Стайлз резко оборачивается и встречается взглядом с оливковыми глазами.

Жар. Кипяток.

Впрочем, это лишь мгновение, потому что в следующий момент горячая рука проскальзывает по лопаткам и берёт его сзади за шею, впечатывая щекой в подушку. Остаётся смотреть на залитый желтоватым ламповым светом рабочий стол, ощущать как прогибается матрас и как - словно кто-то медленно проматывает стоп-кадр, - в обширном инсульте разрывается душа.

Это похоже на огромный раскалённый цветок, распускающийся от прикосновения этого человека. Это похоже на лопающийся шар, полный воды. Полный яда.

Концентрат Хейла. Отрава.

- ...очень приятный портье, он сказал что мне принесут ужин прямо в номер, Дитон ни слова не говорил об этом! Ты не занят?

- Я... - Стайлз глотает все звуки, которые следуют за этим, потому что чувствует, как вторая рука Дерека проскальзывает к его пуговице на джинсах и расстёгивает её в одну секунду. - Я немного... я... перезвоню тебе?

Жёсткие пальцы обхватывают член моментально, почти не спуская джинс. Рот Стайлза приоткрывается ещё шире, и губы елозят по ткани подушки. Твёрдые бёдра прижимаются к оттопыренной заднице, и от ощущения возбуждённого оборотня за спиной сладко сводит тело. Приходится задержать дыхание, чтобы не выстонать что-нибудь в трубку, которая снова оживает:

- Детка, я так хотела поговорить с тобой немного, здесь всё совсем иначе, я никогда не думала, что Лос-Анджелес произведёт на меня такое впечатление, боже мой! Здесь столько машин!

- Ага, я бывал там. Пару... раз.

Дерек наклоняется, сильнее надавливая на загривок. Его член прижимается так кайфово и плотно, что хочется податься назад. От дыхания, которое ощущается даже сквозь одежду, сводит кости.

- Я перезвоню те... - голос всё же подводит его, когда рука Дерека начинает неторопливо двигаться, но Малия не замечает ничего, продолжая восторгаться Большим Миром. Она быстро соглашается и чирикает что-то ещё, но дрожащие пальцы уже нажимают на "отбой" и отбрасывают телефон на пол. - Сукин сын, - выдыхает Стайлз, с силой толкаясь задом к зарычавшему ему в лопатки волку. - Я думал, ты не придёшь...

Я надеялся, что ты придёшь.

Дерек выпускает его бедро и рывком задирает футболку, прочерчивая по выгнутой спине горячие полосы подушечками пальцев.

- Я говорил не звонить мне с этим.

- Потому что я не могу больше, больше вообще никак, волче... - хрипит Стайлз, снова подаваясь назад, осторожно подстраиваясь под плавающие движения горячей руки на члене. - О, господи, у меня проблемы, у меня огромные проблемы с тобой, приятель. Потому что я не знаю, что это, но это убивает меня, просто уничтожает, на куски рвёт, особенно когда вот так, но это ничего... ничего, Дерек, я перешагну, я вылечусь, я... я... быстрее...

И он рвано скулит в подушку в такт этим ускоряющимся движениям руки, чувствуя, что Хейл абсолютно обалденно трётся о его зад пахом. Пальцы сжимаются на наволочке. Философия рассыпается вместе со здравым смыслом. Вспышки в глазах от движений бёдрами, каждый раз, каждый толчок. Как будто не сквозь штаны, а будто сквозь всё тело, доставая до гладких стенок желудка, так глубоко, что это больно.

У него есть Малия. Есть Малия. И настолько *всё равно* не было ещё никогда.

Каждый раз это разрыв мозга и разрыв души. Это доза на двое суток. А потом снова. И снова. И снова.

На стенках мозга вспухают пузыри, когда Стайлз тянется назад и сжимает пальцы на бедре Хейла.

- Ты мне нужен, - шёпот, которым Стайлз обычно шепчет "о, чёрт, ещё..." - Ты мне нужен, волчара...

Под плотной джинсовой тканью движутся мускулы.

Дерек негромко рычит, и Стилиски представляет себе, как обнажаются его белые зубы.

Дерек никогда не позволяет себе лишних прикосновений. Он уверенным движением руки прочит Стайлзу, сухо прихватывая губами кожу на его лопатках, но он никогда не поцелует его, не проведёт пальцами по волосам, потому что это болезнь, просто болезнь, и они оба вылечатся.

Скоро. Скоро всё прекратится. Одну небольшую вечность спустя.

Обсессивный синдром.

Когда движения становятся слишком рваными, чтобы проследить каждое, Дерек сдёргивает с выставленной задницы штаны. Когда Стайлз жадно подаётся навстречу и выгибает спину до хруста, он выпускает горячий затылок и теперь устраивает обе руки на узких бёдрах. На постель падает несколько густых капель смазки и Стайлз громко выдыхает, притираясь открытым ртом к своему запястью.

Без подготовки это всегда не особенно приятно, но Стайлз не соображает, он лихорадочно тянет на себя Дерек за ремень спущенных джинс, рыча какую-то чушь в подушку, ощущая давление, распирающую боль и кайф.

Он никогда не любил коленно-локтевую, но сейчас она кажется ему самой лучшей, самой прекрасной позой на свете, потому что медленные движения крепкого члена начинают ускоряться - падение грёбанных ангелов. Если прислушаться, можно услышать их вопли. Наверное, они штабелями валятся с небес прямо в пекло, а их золотые крылья осыпаются по пути, поджигая мир под веками Стайлза Стилиски, которого размашисто трахают, запрокинув голову и сцепив зубы.

Концентрат. Дерек приоткрывает глаза, чтобы увидеть, как Стайлз судорожно сжимает пальцами собственные волосы, яростно подаваясь навстречу каждому движению таза. Рычание у него получается приглушённым, но заводит оно не меньше, чем редкие вскрики и выдохи, в которых угадывается лихорадочное бормотание.

- Дерек... О, блядь, блядь, Дерек... ещё...

Хейл наматывает собравшуюся где-то под тонкой шейей ткань футболки на кулак и дёргает на себя. Стайлз послушно поднимается и задушенно стонет, когда становится на колени, прижимаясь спиной к напряжённому оборотню.

Руки Дерек обхватывают его, царапая короткими ногтями живот, пока Стилиски выгибается и запрокидывает голову, глядя мутными, совершенно слепыми глазами в потолок.

Он кончает, когда Дерек выдыхает ему в ухо: "Сейчас".

Так не бывает, наверное. У нормальных людей - не бывает. Нельзя кончать по приказу.

Можно.

Стайлза скручивает в сладкой смерти, и ему кажется, что он летит вслед за ангелами в ад. Что у него вырастают и сгорают к чертям крылья за спиной. Ему кажется, что он самый счастливый человек, когда Дерек на секунду прижимается к нему, а по крепкому телу проходит мощная судорога, от которой Стайлза снова сухо выгибает.

Ему кажется, что он сейчас взлетит, пошлав к хуям все законы физики, потому что Хейл выдыхает в его плечо:

- Твою мать...

И Стайлз знает, почему.

Дерек кончил в него. Он никогда не кончал в него. Это было чем-то вроде принципа в подкорке головного мозга, там же, где и - перехватывать кулак на полпути к себе. Это было чем-то личным, слишком интимным для разовых трахов. Было.

Пока Дерек не пропустил удар.

- Всё нормально, - хрипит Стайлз, пытаюсь сглотнуть. У него вздрагивает живот, когда горячая ладонь проводит сверху вниз, задевая пальцами углубление пупка.

Дерек зарывается лицом в его шею, переводя дыхание. Это огромное искушение - не зарыться в его густые жёсткие волосы, когда они так близко. И Стайлз не противится ему: с одной стороны он зарывается в них пальцами и осторожно гладит, а с другой - носом.

- Останешься ненадолго?

- Нет.

Но он не двигается.

Он закрывает глаза, почти незаметно подаваясь под прикосновения мальчишки.

- Это пройдёт, Дерек, серьёзно, это слишком охуенно сильно, чтобы продлиться долго, чувак.

- Что я говорил о "чуваке"?

- Нельзя? Да, да, я знаю, серьёзно. Больше не повторится, сэр. Тогда я буду называть тебя деткой. Эй, детка...

- Не носи сюда это дерьмо, - голос Хейла глухой.

Он говорит о Малии сейчас. Стайлз закрывает рот, облизывает губы.

- Извини.

Осмелев, осторожно ведёт кончиком носа по тёплому месту под ухом оборотня. Он знает, что нельзя. Но этого хочется слишком сильно.

Дерек с тяжёлым вздохом пихает его в спину, и Стайлз падает на свою постель, морщась, когда чувствует влажное прикосновение остывающей спермы к коже. Затянутый узел в животе предсказуемо отпускает, позволяя немного расслабиться. Сглотнуть разочарование от потерянного контакта.

Но сильнее беспокоит другое.

Что-то в груди не собирается отпустить. Оно наоборот - сжимается, когда Стайлз приоткрывает глаз и наблюдает, как Дерек встаёт, оправляя свою одежду. Как заученным движением застёгивает жёсткий ремень, подхватывает рукой кожаную куртку, брошенную на опрокинутое кресло у стены.

- У вас с Джейн серьёзно? - вдруг слышит Стайлз собственный голос, и его сердце останавливается.

Не нужно было.

Хейл бросает на него долгий взгляд, который кажется сначала серьёзным, а потом - насмешливым.

- Я не пошутил, Стайлз. Завязывай.

- А? - слабо переспрашивает он, чувствуя внезапную резь в районе ключиц.

- Со звонками.

- А...

Выдавить из себя смешок сейчас немного сложнее, чем приставить заточенное лезвие японского меча к своему животу и совершить ритуальное самоубийство, распоров себе кишки.

- Ты ведь просто однажды не придёшь, да?

Дерек молча отворачивается. Идёт к окну и выскальзывает наружу, не оборачиваясь, решая тем самым все свои проблемы, наверное. Слышно, как тихо скрипит его кожаная куртка. Когда в комнате остаётся только Стайлз, становится горько. Игнорируя вытекающую из задницы сперму, он сжимает зубы и утыкается лицом в подушку.

Несколько минут лежит так, медленно дыша через нос.

Его отпускает узел, который иногда завязывается в сознании, не давая вдохнуть. Его отпускают мысли и образы, которые направляют всю кровь из его организма в член. Всё прошло. Всё снова на своих местах.

Но зачем-то Стайлз протягивает руку и нашаривает на полу у кровати мобильный.

Переворачивается на спину и открывает раздел сообщений. Пальцы всё ещё слегка подрагивают.

“ Ты нужен мне, Дерек”.

Отправить. Закрывает глаза и уронить сотовый на живот, зарываясь пальцами в отросшие волосы. Всё не становится проще, всё запутывается. Сильнее и сильнее. Момент, когда из Хмуроволка Дерек превратился в человека, устроившего в жизни Стайлза солнечное затмение, безбожно упущен.

Ты ёбнулся, Стайлз.

Приди уже в себя. Через пару дней возвращается Маляя. И, да, нужно перезвонить ей.

Но эта мысль ускользает, как только телефон на животе вибрирует, оповещая о том, что Дерек ответил. Стайлз опасливо косится на экран, вчитываясь в единственное слово. Его губы тут же разъезжаются в улыбке, а что-то в груди затягивается сильнее, мешая сердцу спокойно биться.

“ Знаю”.

Люди - глупые эмоциональные создания в вечном поиске своих панацей.

Это не обсессивный синдром.

Часть 2.

Ничего страшного

Описание:

Он хочет укатить в закат с бутылкой виски в одной руке и толстой вонючей сигарой - в другой. Его заебало всё настолько, что держаться за руль просто не будет необходимости.

Стайлз - филантроп.

Таким был, таким и останется всегда, сколько бы это "всегда" не предоставило дней, минут, секунд - Стайлз слишком филантроп, его хватит на каждую из.

Этому его научили в школе, но забыли упомянуть о том, что делать, когда от взгляда на одного парня начисто срывает крышу. Когда в это же время у тебя есть девушка. И куча друзей, которые даже не догадываются о том, что ты в полном дерьме. О том, что раз в несколько дней твою задницу таранит крепкий член, а ты сам разрываешь себе связки в попытках выорать эту одержимость, когда единственный желанный всеми фибрами человек говорит прямо в глаза: "Мне это не нужно", и "Пора завязывать", и "У меня есть Джейн".

Учителя не знают о жизни ничего.

Они учат формулам, которые нельзя применить, когда судьба отвешивает очередную затрепину и заходится гомерическим хохотом, хватаясь за живот. Они зачитывают физические законы, которые сводятся к нулю, когда рядом появляется Он, а значит - исчезает всё остальное. Они рассказывают маленьким будущим потребителям о любви, недоумевая - что же это такое? Они обращаются к французским классикам, к близким людям, к наркотикам, может быть.

Французы говорят: от любви до ненависти один шаг.

Стайлз говорит:

- Ты ёбнулся, Скотт, любовь - это когда ты десять лет ежедневно плачешь над своим провальным планом по завоеванию Лидии Мартин, понимаешь? Любовь - это же преданность, это как собака и её хозяин. Счастье в Чаппи, чувак.

И говорит:

- Любовь без преданности - это не любовь. Честно говоря, я вообще не знаю, что теперь означает это слово, но я не я, если то что у меня к Лидии... или к плану по её завоеванию - не было любовью. Это точно любовь, дружище. Абсолютно. Я люблю то, что любил её. Классно, правда? Правда же?

Да. Я знаю. Наверное. Режь салат.

Так обычно отвечает Скотт и тяжело вздыхает, когда Стайлз опять начинает задвигать о том, что родился он во времена Шекспира, то не слезал бы с табуретки, и зачитывал бы оды медовым волосам и зелёным глазам. Или всё пытался бы попасть башкой в петлю всё на той же табуретке, пока не умер бы от старости.

И как жаль, что он не умеет слагать рифмы.

И бедные те люди, кто ни разу не изведал любви.

И что первое своё стихотворение Стайлз мог бы посвятить марвеловскому Магнето или своему джипу. И что он мог бы исповедовать в церкви, потому что, ну, а почему бы и нет? И что мог бы вообще что угодно.

- Человечеству и без этого нелегко, - отвечает Скотт.

- Успокойся уже и дорезай салат, - говорит он.

- Ты не понимаешь, - объясняет Стайлз, но всё-таки снимает кожицу с помидора. - Преданность - это важно, Скотт. Честное слово. Вот что такое - преданность? Это ж не от слова предательство, чувак? А они похожи, правда же?

Похожи, отвечает МакКолл и чешет нос запястьем, не отрывая внимательного взгляда от кучки нарезанного огурца на доске.

- Вот если ты любишь шоколадную мороженку, а пошёл в маркет и просто стрём как захотелось клубничную. Ты купишь?

Наверное, отвечает МакКолл. Он думает о том, что нужно бы позвонить Кире, а ещё о том, что нужно дорезать салат. Он не думает о раненных чувствах шоколадного мороженого, потому что чувства замороженных аммиаком желтков и сливок уже давно не учитывается в современном обществе. Не потому что это двадцать первый век, а потому, что это не слишком нормально, наверное.

- Но это же не предательство, потому что, ну, ты же по-прежнему любишь шоколадное мороженое, просто сейчас, в этот самый момент, тебя закоротило, ты вспомнил детство, как вы со стариной Стайлзом обжирались клубникой и вот тебе захотелось три клубничных шарика. Да?

- Да.

- Нет.

- Но ты же сказал?

- Как раз об этом я и говорил! Ты не предан шоколадному мороженому, если идёшь и покупаешь клубничное - это элементарно.

- Теперь я ненавижу мороженое. Режь уже долбаный салат.

- А знаешь, почему так? - Нож Стайлза перерезает томат напополам и на доску вытекает красновато-прозрачный сок. Стайлз дожидается, пока Скотт пробубнит "почему", и тогда начинает делить каждую половину на неровные дольки. - Потому что еде преданы только веганы. А мы не веганы. Потому что преданность не должна перерасти в шизофрению. Чувак, ладно, ты вообще не понимаешь - и я не понимаю. Это философия, лучше в это вообще не лезть. Просто люби мороженое, а я буду любить план по завоеванию Лидии Мартин.

- А к Малии у тебя не любовь?

Нож на миг застывает - Стайлз задумывается и не даёт своему сердцу дать перебой, - а затем снова начинает глухо колотить по доске.

- Такое дело. К Малии у меня Малия. Это лучшее объяснение, которое у меня есть. То есть, ну, она милая, да?

- Ладно, а что тогда делать с преданностью, которой нет? - вдруг спрашивает Скотт и сам удивляется.

- Для начала дорежь салат, а там разберёмся.

Они дорезают салат, ужинают вместе, потому что сегодня суббота, а по субботам в семь вечера на центральном канале бокс. Джон Стилински смотрит его в офисе, потому что по субботам у него ночные смены. Никто не думает о преданности или любви, или о том, страдает ли клубничное мороженое, потому что больше людей любят шоколадное - все смотрят бокс, ужинают, ложатся спать с лёгкой мыслью о том, что завтра воскресенье, а через часов пять-восемь-двенадцать открывают глаза и думают: вот чёрт, завтра снова понедельник.

И опять до субботы.

Стайлз филантроп до мозга костей семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки.

Он не всегда размышляет о преданности, а только тогда, когда его мозг не занят другими чрезвычайно важными проблемами. Такими как цепи и наручники, необходимые его лучшему

другу в полнолуние. Такими как регулярное восполнение резерва Аддералла и очередная взрывная коробочка с изрезанными бумажками в кабинете Финстока. Такими как Дерек.

Да, ублюдошный волк продолжает сидеть в голове, и в списке смс на мобильном единственное сообщение в одно слово набранное его руками значит больше, чем ежедневные признания Малии.

И тут речь уже не о мороженом.

Стайлз каждый раз внутренне сжимается всё сильнее, когда Скотт тащит его в лофт, или когда возникают какие-то слишком неотложные дела, которые требуют вмешательства Стайлза, стаи и Дерека, Дерека, снова и снова Дерека, даже тогда, когда сил смотреть на него - нет. Нет и быть, блядь, не может, потому что это неправильно, и это в конце концов закончится, должно, обязано прекратиться. Это поедает изнутри и с каждым разом всё сложнее перекрывать себе доступ кислорода, который так необходим, и в этой метафоре Дерек - кислород.

Он - кислород, даже тогда, когда дела стаи совсем плохи. Когда каждый день может оказаться последним, ведь, чёрт возьми. Они просто любители ходить по грани. Ездить на коньках по острию ножа, и от этого в организме уже такой переизбыток адреналина, что можно вписывать его в привычный состав крови.

Они просто компания недоумков, умных, ответственных, неповторимых идиотов штата Калифорния, и из них получилась, прямо сказать, неплохая банда. Скоро она станет практически исторической.

Как Бонни и Клайд - непревзойдённые ребята, Стайлз бы присоединился к их нелегальному дуэту, не сомневаясь ни секунды. Не потому что всю жизнь он мечтал грабить банки, а потому, что чувство, когда ты делаешь что-то, за что могут настучать по голове или крепко нагнуть в полицейском участке - просто неповторимо.

Нарушать правила - идеально.

Вот и сейчас Стайлз водит кончиком языка по внутренней стороне щеки и нарушает правило. Самое ненавистное и самое раздражающее из всех правил, установленных Дерекком. Он смотрит на него.

Дерек стоит спиной к Стайлзу и ждёт, пока кофемолка прекратит перемалывать зёрна. Он тяжело упёрся разведёнными ладонями в столешницу и низко опустил голову. Так, что видны выступающие позвонки на шее.

В лофте сейчас практически вся стая, всего два поворота отделяет их от Скотта, Киры, Лидии, Джейн, чёрт бы её побрал. И Малии.

Малии! Проклятье. Но думать о ней сейчас - выше его сил, потому что сил больше нет.

Стайлз просто сошёл с ума.

Стайлз просто смотрит, привалившись спиной к косяку свежевыкрашенной двери и чувствуя, как сильно Дерек хочет остаться один.

Смотрит, вылизывает глазами каждый сантиметр открытой кожи - шея, закатанный до локтя рукав, длинные пальцы. Каждый пережат мускул под тонким тёмным свитером от дыхания. Каждую линию совершенного тела. Оно совершенно до тошноты, и каждый раз, когда он смотрит на него, у него звенит в голове. Шумит, звенит, чёрт разбери, кто пытается наладить с ним связь в этот самый момент - высшие силы, Бог или Дьявол, плевать. Господи, плевать.

Стайлз просто тихо закрывает за собой дверь кухни и замечает, как вздрагивают плечи Дерек.

Дерек просто хочет остаться один. И кофемолка рычит.

Стайлз делает шаг, два. Он думает о клубничном мороженом. Он думает, что нечестно покупать клубничное, когда любишь шоколадное. Потому что любовь - это преданность. И кому предан он прямо сейчас?

Он подходит к Дереку и останавливается за его спиной, а тот практически не дышит, только плечи напрягаются сильнее. Руки сводит от желания прикоснуться. Тело ломит от желания протянуть ладонь и провести по спине вверх, сминая ткань, сжимая её в кулаках.

Но Стайлз не может. Прикасаться к Дереку нельзя.

Ему это необходимо до боли, но... запрещено.

Он просто немного наклоняется и закрывает глаза, когда носа касается запах горячей кожи. Так близко, что если покачнуться вперёд, губы прижмутся к границе свитера и шеи. Если покачнуться вперёд, он тут же умрёт от разрыва сердца. Потому что невозможно желать чего-то настолько сильно, а, получив, остаться в живых. Это разорвёт его на куски.

Он просто стоит, просто стоит и дышит.

Наполняет Дереком лёгкие, практически стонет от нежелания выдохнуть его. Случайно выдохнуть его - раз и навсегда. От этого страшно и прекрасно одновременно.

Ведь это должно закончиться.

Когда-нибудь это закончится.

И Дерек тянется к нему всем своим существом, затягивая на глотке поводок всё туже и туже. Ведь нельзя позволить себе. Ведь самоконтроль у него вылит из железа.

- Чего-то хотел?

Стайлз жмурится, сцепляя зубы. Сердце колотит так, что больно груди. Сколько раз он слышал этот вопрос. Сколько же раз этот вопрос загонял его лицом в тупик. В глухой и тёмный угол.

И так хочется ответить. Я хочу тебя. Я хочу, чтобы ты прекратил делать вид, что тебе комфортно с Джейн. Я хочу, чтобы твои глаза смотрели на меня без напряжения. Я хочу, чтобы у нас было по-настоящему, а не словно бы ничего. Чтобы необходимость быть с тобой не тяготила настолько сильно. Я хочу, чтобы ко мне вернулось моё безразличие.

Я хочу обнимать Малию, не думая о тебе.

Я хочу быть счастливым.

И он скорее затянет на кадыке петлю, чем скажет. Поэтому:

- Нет... нет.

Поэтому:

- Там просто шумно.

И сейчас, когда в нём гремит апокалипсис, Стайлз так больно ощущает, как он меняется рядом с Дерекком. Здесь так сложно находиться, что ему вовсе не хочется шутить. Ему хочется забрать из Дерека всю тяжесть, которую тот на себя взвалил.

- Возвращайся к стае, Стайлз.

- Ты нужен мне.

Хейл обмирает, и Стайлз практически чувствует ледяной холод. Он понятия не имеет, что Дереку хочется разодрать его на части и размазать по этой огромной кухне. Он понятия не имеет, что Дерек хочет выдернуть его из собственной глотки, как застрявшую там кость. Что это всё настолько осточертело. Что волк в Дерекке тащит его к Стайлзу за шкуру, ни на секунду не расслабляя челюстей. Не давая даже надежды на то, что вырваться возможно.

- Проваливай, я сказал.

Въебать больнее невозможно.

Даже если бы Дерек сейчас разломал о его физиономию работающую кофемолку, это было бы терпимо. Всё познаётся в сравнении.

Стайлз думает, что когда-нибудь он соберёт себя по частям и покажет всей этой херне средний палец. У него есть план. Это первый его абсолютно, идеально провальный план. Когда он возвращается в лофт, берёт свою куртку и коротко целует Малию в затылок, чувствуя, как отмирают губы. Когда он спускается вниз и рушится за руль своего джипа. Когда жёсткий руль давит ладонь, а от рывка ключа зажигания на пальцах вспухает царапина. Когда он не успевает ударить по педали газа, потому что дверь открывается и его выволакивают наружу, схватив за ткань футболки.

В сознании происходит небольшой коллапс.

- Отъебись. Пожалуйста, Дерек.

Затылок ноет от удара о крышу машины. Взгляд Хейла из темноты такой прямой, что чешется мозг.

- У тебя там кофе, и Джейн, и стая, и твоя жизнь, Дерек, помнишь? Так вот просто иди в неё и дай мне не рассыпаться тут по частям, потому что этого унижения я не переживу.

- Куда ты собрался.

- Домой. К отцу. Заеду в бар. Куплю бутылку газировки и буду пить её, смотреть "Фореста Гампа", рыдать от жалости к нему, к нам обоим. Пусти, а. Пусти, твою мать! - Чтобы ударить по комкающим воротник футболки рукам нужна не дюжая сила, которой нет. Стайлз думает, что Дерек не имеет права на всю эту хренотень.

Мучить его вот так - это всё равно что медленно убивать того недоразвитого паренька, которого играет Том Хенкс. Это же, мать его, живодёрство.

- Ты вернешься в стаю. Сейчас.

- Ты, - Стайлз сжимает губы, а потом бьётся затылком о машину. - Послушай, Дерек, я, мать твою, устал. Я тоже могу устать, я не один из ваших ребят, у меня не железная психика, просто дай мне свалить отсюда. Сейчас я не могу сидеть, обнимать... её и делать вид, что мне заебись. Мне не заебись!

- Я знаю! - громко рычит Дерек ему в лицо и Стайлзу кажется, что он ненавидит эту фразу больше, чем самого Дерека в этот момент.

- Иди ты со своим “знаю”.

Наконец-то он бьёт по рукам, и Дерек отпускает. Делает шаг назад.

- Что у нас, а? Что ты сказал им? Зачем поскакал за мной? - Стайлз взмахивает руками. Он готов засыпать себе рот песком, чтобы заткнуться наконец-то, сесть в джип и укатить в закат, оставив себе хотя бы немного себя. Нихуя. Он подлетает к Дереку и пихает его в плечи. Тот на удивление отступает, сжимает зубы, смотрит прямо в глаза.

- Я не могу прикасаться к тебе! - орёт Стайлз. - Я не могу смотреть на тебя! Ты трахаешь меня, когда появляется настроение нагнуть кого-то, у кого есть член, потому что, погоди, у тебя же Джейн, у вас любовь, и я счастлив, дружище, клянусь, я счастлив. У меня тоже, блядь, “любовь”. Лидия, помнишь? Напряги память: рыженькая, с зелёными глазами, вот такими глазищами на пол-лица, она сейчас, знаешь, сидит на твоём диване в твоём доме рядом со Скоттом. Только вот знаешь что? Я не предан ей. А значит, и не любил никогда, понимаешь! А ты... - Стайлз судорожно вдыхает в себя горячий воздух, часто моргая. Он думает, что сейчас просто задохнётся от того потока слов и эмоций, что прёт из его рта. - Ты не любишь Джейн. Потому что если бы любил... любовь - это преданность. А это не от слова предательство.

Дерек смотрит слишком спокойно. Его глаза словно за звуконепропускаемым стеклом, которое удерживает внутри ревущий ураган. Виктория, или как там его. Да пофиг. Стайлз тяжело дышит и, качая головой, роняет руки вниз. Ударяет ими по бёдрам.

- Ты можешь что угодно говорить, но не говори “знаю”, когда я говорю, как мне хуёво, потому что ты нихера не знаешь. Ты понятия не имеешь. Ты в охуенно прекрасном, абсолютном неведении. Там и оставайся.

Стилински слышит, как сердце даёт перебой, когда Дерек собирается шагнуть вперёд, непонятно зачем. Но...

- Стайлз?..

Это третий голос.

Он здесь лишний, чужой, хоть и знаком практически всю жизнь. Мозг анализирует присутствие Скотта через секунду после того, как тело резко разворачивается, а губы выпаливают: “Что?!”

МакКолл сосредоточенно хмурит лоб, переводя взгляд от Стайлза к Дереку и обратно. Стайлз не тупой, он понимает, что Скотт слышал их перепалку. Её, наверное, слышала даже его

бабуля из Джорджии, а она глухая на одно ухо.

Стилиски рывком открывает дверцу водительского сидения и захлопывает за собой с такой силой, что стекло вздрагивает. Он хочет укатить в закат с бутылкой виски в одной руке и толстой вонючей сигарой - в другой. Его заебалось всё настолько, что держаться за руль просто не будет необходимости.

Он даже не говорит ни слова в ответ Скотту. На Дерек вообще не смотрит - заводит машину и жмёт на газ, смаргивая идиотскую резь из глаз.

Когда сам себе вытягиваешь жилы, наматывая их на кулак, это вдохновляет на мысли о том, что пора бы что-то менять.

Скотт не прилипает с разговорами, он подозрительно тихий и тактичный. Стайлз не хочет замечать этого, потому что считает, что его лучший друг не переживёт, если они заведут разговор о том, что Дерек в течение нескольких последних месяцев присовывает Стилиски. Он считает, что такие разговоры должны располагать определёнными преимуществами. К примеру, отсутствием девушки или определёнными догадками со стороны слепого, как крот, МакКолла.

Догадок, разумеется, не было. Девушка была. Стайлз не видел Малию в течение тех суток, что прошли с момента разговора с Хейлом.

Сейчас Стайлз чувствует себя так, словно в его грудной клетке жарится кусок жирного ростбифа. Что потроха заливает кипящим маслом, и если он прямо сейчас встряхнётся, как мокрая собака, продавца за прилавком обдаст дождём раскалённого мясного сока.

- И банку колы, - невнятно добавляет Стайлз.

- А выглядишь так, будто надо чего покрепче.

- Банку колы, Том, - вяло улыбается он тощему парнишке за стойкой, о которую Стилиски упирается обоими локтями и подпирает ладонью собравшуюся в морщины щёку и уехавший вверх уголок губы. - Это мой сраный катализатор, - говорит он краем рта.

- Проблемы?

- Проблем не существует, чувак. Вся хуйня от хорошей жизни. Я в это верю, ты в это верь. Это по Фрейду.

Том нихрена не понимает, Том жмёт плечами и бросает в пластиковое углубление сдачу. Стайлз кивает и сгребаёт её в карман. Щёлкает жестяным ушком колы и присасывается к банке.

За пыльным окном около заправочного бака греется на вечернем солнце и глотает из шланга бензин его любимый джип. Его синяя детка восьмидесятого года. Стайлз думает, что с собственной машиной у него отношения лучше, чем со всем окружающим миром. И думает, что разница в возрасте не рушит их иллюзорную идиллию.

Стайлз давится шипучкой, когда замечает чёрную спортивную тачку, залетающую на парковку с присущим одному только мудаку этого города понтом. После того, как уехал Джексон, конечно. Сердце неприятно жмёт.

- Вот же блин, - Стайлз отставляет банку. Косится на Тома, который оживает при виде Камаро. - Если спросит, где Стайлз, скажи, что я оставил джип здесь и съебал.

- Куда? - бросает Том в спину Стилиски. Тот уже мчится в сторону туалетов.

- На Аляску. В Зимбабве. Или скажи, что я в Амстердаме, торгую жопой.

Только хлопнув за собой дверь и остановившись около умывальника, Стайлз осознаёт, насколько это глупо. И насколько сильно у него дрожат руки. Дерек начал сводить его с ума. То есть - серьёзно, всё ещё хуже, чем было до его появления. Даже сейчас он ловит себя на том, что напряжённо прислушивается, но слышит только стук в ушах. Чувство такое, что кровь херачит прямо по барабанным перепонкам.

Он открывает воду и умывается.

Он говорит себе, что Дерек не такой мудака, чтобы искать встречи с ним.

Он смотрит на свои мешки под глазами в отражении зеркала и думает, что выглядел лучше, когда хотел убить своих друзей и стал пристанищем для тёмного духа.

Он ещё раз умывается и как раз срывает из пластиковой навесной коробки бумажное полотенце, когда дверь туалета открывается, и взгляд Дерекa натурально вдавливаются в мозг. Твою мать.

- О. Какая неожиданность. Приветтики, - севшим голосом частит Стилиски, отворачиваясь обратно к зеркалу. Комкая полотенце в пальцах.

Дерек делает пару шагов вперёд, складывая руки на груди.

- Значит, Зимбабве.

На нём, как обычно, белая майка, расстёгнутая куртка, джинсы и кеды. Интересно, возможно хотя бы один раз не начинать его рассматривать, когда он появляется?

- Ага. Решил отлить перед долгой дорогой, - Стайлз растягивает губы в кривой усмешке, отводит взгляд от отражения и отправляет влажный бумажный ком в урну у стены. - Ладно, серьёзно, Дерек. Я не в настроении.

- Для чего?

- Разговоры и всё это. Мне больше нечего сказать, я и так уже много чего нагородил тебе. Вчера, и вообще, и я знаю, что ты всё знаешь без моих пиздостраданий, так что... Блин, слушай, я пошёл.

Дерек перехватывает его у двери и тащит в ближайшую кабинку, пока Стайлз старательно пытается заехать ему по морде локтём или кулаком. Это невольная борьба, практически на уровне рефлексов. Потому что когда щёлкает щеколда, Стайлз замирает, тяжело дышит, ударившись лопатками о стену, и сверлит взглядом сжатые губы Дерек. Кабинка небольшая, им вдвоём здесь тесновато: расстояние до этих губ - меньше шага.

Стайлзу хочется обмотаться в колючую проволоку.

- Серьёзно? Захотелось потрахаться на толчке? Или тебе подержать? Не смешно, Дерек, завязывай с этой хернёй. Поигрались, и хватит.

- Вчера мы не договорили.

- И ты нашёл местечко поуютнее? Здесь пахнет лимонным освежителем, это не очень вдохновляет для новых мыслей, - Стайлз упирается затылком в стену и медленно выдыхает, закрывая глаза. - Я сказал тебе всё, что хотел. Вчера.

- Я слышал, - спокойно говорит Дерек. Это даже как-то нелепо, если брать в расчёт десяток дюймов между ними. - Я хочу убедиться, что ты всё правильно понял.

- Да, да, я знаю, дело не во мне, дело в тебе. Чувак, если бы за каждую эту фразу я получал доллар, у меня бы уже было три бакса. Делок из меня так себе.

Губы Дерек сжимаются ещё сильнее перед тем, как разжаться и произнести:

- У меня есть Джейн. Это кое-что значит.

Да. Значит, что ты - двуличная задница.

- Я помню, чувак. У вас там всё серьёзно. Она готовит тебе завтрак, ты читаешь ей стихи и колешь щетиной в нежных местах. Я могу идти?

- Я не гей.

- Ну, даже не знаю. Пойди, наклей это себе на бампер.

- *Стайлз.*

- Зачем ты припёрся? - психует Стайлински, отталкиваясь от стены. - Я, нафиг, не понимаю тебя. Никогда особенно не понимал, а сейчас - вообще пиздец. Дерек. Можешь въебать мне, но я ни хрена не въезжаю, почему бы тебе не оставить меня в покое сейчас.

Дерек еле слышно рычит. Стайлз готов заткнуть себе ноздри туалетной бумагой, чтобы не ощущать запах его долбаного мыла, или шампуня, или геля для бритья. Этот запах ассоциируется с контактом тел. С горячей кожей и солёным потом.

- Потому что решил, что мне и тебе нужно поговорить, как нормальным людям.

- Ты серьёзно? - не верит Стайлз. - О, боже, он серьёзно. Приятель. Мы в сортире. Хорошо, давай поговорим, как нормальные люди.

- Заткнись.

Стайлз замирает на пару мгновений. Ему кажется, что его сейчас вырвет - настолько быстро колотится сердце, - но он просто кивает. А потом ещё раз, и не сдерживает злой смешок в лицо оборотня.

- Вот и поговорили.

Он может бесконечно долго улыбаться, но сейчас это откровенно больно. Физически. Словно какая-то сука продела в углы рта два огромных крюка и теперь тянет в стороны.

На месте этой суки Стайлз представляет Джейн.

- Рад был повидаться, - выплёвывает он и обходит Хейла. Точнее, протискивается к двери, цепляя плечом, а в следующий момент раздаётся взрыв.

Кабинку, заправку, весь город сносит в пустоту, потому что под спиной снова холодная стена. А

на губах... Стайлзу просто нужно осознать, что он жив. Что он не умер в ту секунду, когда рот Дерек прижался к нему, вынес из головы все образы, снял с языка все слова, которые кипели там секунду назад.

Стайлз жмурится против воли, словно пытаясь прийти в себя. Словно его сейчас ударят. Он чувствует, как отнимается тело, ровно до того момента, пока Дерек не начинает вылизывать его губы. Горячо, влажно, и руки держат за плечи со знакомой силой, и что-то в глубине лёгких воеет, как раненая белуга. И тогда блокаду прорывает.

Осознание бьет то ли пощёчиной, то ли хуком прямо в солнышко. Его целует Дерек. Его целует Дерек, который не гей. У которого Джейн.

Стайлз сжимает кулак и бьёт его наугад - попадает в бок. Царапается о змейку куртки. Шипит. Губы горят, словно только что кто-то прижёт их бычком. Дерек отстраняется, горячо дыша Стайлзу в лицо. Бликует своими фарами так, что режет глаза.

- Что за нахуй, чувак? - хрипит Стайлз.

Зрачок Хейла ярко-голубой, продолжает вылизывать влажные губы. У Стилиски трясутся ноги. Он сжимает саднящий кулак и собирается отпихнуть оборотня от себя. Но когда рука поднимается... Нет.

Рядом с Дерекком всё, нафиг, меняется. Всё слетает с крюков и разбивается. Стайлз сглатывает, откидывает голову назад. Вытягивает шею и зарывается ладонью в густые волосы на затылке Хейла.

- Ну ты и ублюдина, - бормочет он прежде, чем снова ощутить губы на своих губах.

Они периодически трахались в течение пары месяцев. Каждый раз это был обширный вынос мозга, каждый раз мировоззрение Стайлза переворачивалось с ног на голову и обратно - и так несколько переворотов подряд, как будто кто-то играет песочными часами. Каждый раз это было жёстко и сильно, без лишних прикосновений и лизни. Поэтому теперь, когда Дерек жадно надавливает на подбородок Стайлза, распахивая для себя его рот, когда его тело прижимается к Стайлзу, раздвигая ноги почти случайно, когда сквозь настойчивые и нереально приятные толчки языка прорывается глухое звериное рычание, которое Стайлз слышал только несколько раз из-за своей спины - теперь это с грохотом рушит здравый смысл.

Мозги отключаются, разжижаются и стекают по горлу в грудь, а оттуда - в член. Вот так просто. Никаких перепонов перед тем, чтобы завестись от поцелуя. Хотя, теперь это больше, чем поцелуй. С того момента, как Стайлз принялся сдирать с плеч Дерекка кожанку.

Не отрывая губ ото рта оборотня, он выгибается, проезжаясь тазом по затянутому в джинсу паху Дерекка. Пальцы оглаживают горячие бугрящиеся плечи, впиваются короткими ногтями в кожу и притягивают к себе в попытке вжать ещё сильнее. В попытке сделать своим, совсем

своим. Никто из них не говорит, что не может друг без друга, но разжать руки сейчас нереально - и, судя по сминающейся под ладонями Дерека коже Стайлза, это взаимно.

Стайлз слышит плавающие выдохи на ухо, когда Дерек начинает медленно двигаться, ритмично втрахивая свою ширинку в член Стайлза, кусая его за ухо, за шею, всасывая в себя кожу. Делая всё то, чего для Стайлза не существовало никогда. Малия всё делала неправильно. Слишком никак, слишком осторожно и нежно, словно без интереса. Видимо, у койотов не так уж много общего с волками.

Дерек резко наклоняется и подхватывает Стайлза за бёдра, прижимая к стене. Ноги тут же обхватывают Дерека за талию, а сквозь зубы прорывается трясущийся скулёж. Вокруг нет ничего. Запах освежителя снесло Хейлом - его запахом, его телом, его возбуждённым рычанием. Кабинка провалилась в пекло. Здесь жарко и темно. Невидимый огонь, чёрный, как... как...

- О, мой блядский бог, - выдыхает Стайлз в потолок, когда Дерек толкается особенно сильно, не давая сползть по скользкой стене, от чего тело наоборот едет вверх, а горловина футболки впивается в глотку.

Снова горячие губы и широкие мазки языка на шее. Колючая щетина и прикосновение зубов к влажной коже под челюстью. Глаза закрываются, только онемевшие пальцы сжимаются в жёстких волосах, тянут назад. Ещё пару укусов, и Стайлз спустит прямо себе в джинсы. Дерек продолжает иметь его сквозь одежду - от этого трясётся живот и сбивается дыхание.

- Ещё немного, - сипит Стилиски во влажную шею Дерека, - совсем чуть-чуть, и я кончу.

- Я знаю, - Хейл осторожно опускает его на ноги, скользя руками под футболку и задирая её до самой шеи. Наклоняясь и прижимаясь открытым ртом к бледному соску задержавшего дыхание Стайлза. Язык горячий, совсем немного шершавый, бьёт прямо по скоплению нервных окончаний, прямо по ним, снова и снова. Когда зубы сжимают напряжённый кончик, Стайлз громко шипит, ударяясь затылком о стену.

- Это охуенно, прости Господи, - бормочет он, въедаясь в свою губу. - Дерек, трахни меня, я сдохну, если не трахнешь. Или убью тебя. Утоплю, нахуй, в бачке.

Дерек усмехается и возвращается к пылающему лицу Стайлза. Целует медленно и глубоко, потирая большим пальцем влажный сосок. Целоваться с ним - это то, что должно быть запрещено по закону. Серьёзно. Стилиски еле заставляет себя собраться с мыслями, чтобы поднять голову и прошептать:

- Если ты ещё раз поцелуешь эту свою... клянусь, Дерек, даже не думай. Я могу...

Улыбка волка становится шире, и что-то в Стайлзе громко орёт не своим голосом, хлопает в ладоши и скачет, как ебанутый гиперактивный щенок. Он хочет сказать, что может быть очень

опасным парнем, настолько, что может прийти к Джейн ночью и задушить её подушкой, но возможности не представляется, потому что ладонь Дерека тянется к ширинке и пальцы медленно вытаскивают железную пуговицу из тугой петли.

...Стайлз - филантроп.

И в тот момент, когда он уже может осознавать хотя бы что-то, воспринимать окружающий мир, как реальность, а не как фон с помехами, он понимает.

Когда он позволяет своему телу расслабиться, отдавая себя отголоскам оргазма и горячим рукам, блуждающим по собственному телу.

Когда дверь в туалет открывается, и Дерек тёплой ладонью закрывает ему рот, прижимаясь лбом ко лбу и улыбаясь одними глазами, пока какой-то незнакомый чувак отливает, вымывает руки и уходит.

Когда Дерек поправляет одежду Стайлза и как-то по-особенному слизывает с его виска каплю пота.

Он понимает, что предан Дереку Хейлу. Этому ублюдочному волку. Хмурой морде. Так, как никому. Так, как никогда. И в его спокойных глазах видит что-то похожее.

Ничего страшного, просто преданность.

Ничего страшного.